

которая приведет к замедлению принятия решения и неоптимальному выбору.

Каким бы ни было решение проблемы идентичность мигрантов не сохраняется в любом случае, либо полный отказ, либо существенные изменения в идентичности для второго-третьего поколения мигрантов.

Список литературы:

1. Rokeach, M. (1973). The nature of human values. New York: Free Press.
2. Мид М. Культура и мир детства, Москва: «Наука» --1998.-429 стр.

УДК 321.011

«СЛОН В СПИЧЕЧНОМ КОРОБКЕ»:

ХРОНОТОПЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Скиперских А.В.

*Доктор политических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
НИУ «Высшая школа экономики» - Пермь*

AVSkiperskikh@hse.ru

"ELEPHANT IN A MATCHBOX":

CHRONOTOPE OF RESISTANCE IN RUSSIAN CULTURE

Skiperskih A.

*Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of humanities
NIU "Higher School of Economics" - Perm*

AVSkiperskikh@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Культурный текст создаётся в конкретных хронотопах. Для каждой культуры это уникальная комбинация времени и места производства

культуры. В данной статье автор представляет специфическую черту хронотопов в русской культуре – тесноту.

Именно теснота связывает действия субъекта определёнными ограничениями, что не может не отражаться на его культурном продукте. Вместе с тем, культурный текст заключает в себе необходимость сопротивления власти и преодоления тесноты.

ABSTRACT

Cultural text created in a specific chronotope. Each culture is a unique combination of time and place of production culture. The author presents specific feature chronotopes in Russian culture - tightness.

It connects the actions of the subject to certain limitations that should be reflected in its cultural products. However, the cultural text encompasses the need to overcome the resistance of power and tightness

Ключевые слова: власть, русская культура, сопротивление, теснота, хронотоп.

Keywords: power, Russian culture, resistance, tightness, chronotope.

Культура производится в пространствах, обладающих определёнными спецификациями. Каждая культурная традиция вмещает в себя хронотопы производства культуры, каждый из которых может отсылать к некоей уникальности самого места и его физических характеристик.

Что касается русской культуры, то в своей работе мы постараемся защитить тезис о том, что русская культура и её представители, существуя в условиях сдавленности теснотой и лишений, тем не менее, производят оригинальный культурный текст. Наш авторский взгляд будет рассуждением от противного, от стереотипа чрезвычайной пространственной широты, в котором, чаще воспринимается русская культура.

Вместе с тем, мы постараемся на ряде примеров подтвердить, что данность тесноты требует преодоления. Сопротивление всегда борется с властью за ресурсы и позицию. Равно, как и культура, находящаяся в тесноте

и изгнании, всё равно притязает на производство смыслов и вопрошает к легитимации.

Характеристики пространства в русской культуре концептуализирует М. Бахтин, раскрывая оппозицию хронотопов в текстах Л. Толстого и Ф. Достоевского. Так усадебный мир Центральной России противопоставляется мирам наёмных квартир Петербурга. Усадебный мир шире и вольнее, в толстовских текстах больше воздуха, что не может не проецировать и на биографический опыт самих героев. Наоборот, что касается текстов Ф. Достоевского раскрываются совершенно иные спецификации пространства. Оно тускло, сжато, спёрто, в нём наблюдается дефицит места, интерьера, чистого воздуха, оно малопригодно для жизни, и, вообще, оно является *тесным*.

Безусловно, широта пространства гораздо чаще характеризует русскую культуру. Широта пространства, его неохватность задают вектор для долгих приготовлений, бесконечного движения, раздвигающихся горизонтов, бесконечности.

Вспомним, как в чеховской «Степи» перед глазами открывалась «широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается» [21, с. 7].

Широта пространства в «Суходоле» И. Бунина - это ««полустепной простор, голые косогоры, на полях - рожь, овес, греча, на большой дороге - редкие дуплистые ветлы, а по суходольскому верху - только белый голыш».

Подобная широта как бы намекает на движение, и оно периодически происходит. Иногда это движение носит характер мечтательный и романтический, а иногда движение есть высвобождением из состояния скованности, отрывания ото сна. И тогда, как напишет А. Блок, «всё, как есть, пойдёт: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви,

воплощенные Богородицы, пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся вспять; и пойдет вся земля» [5, с. 356 - 357].

Простор и теснота проникают друг в друга, требуют друг друга. Стремление к тесному и тёплому месту заключает в себе некое преодоление специфического предначертания русской культуры, её физической широты и многоохватности. В 1903 г. К. Победоносцев признается Д. Мережковскому: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [7, с. 230 - 231]. Русская культура приобретает некое установление пониматься исключительно с позиций широты пространства и временной неопределённости. Конечно, диалектически рассуждая, необходимо понимать, что наряду с подобной вольностью и сложностью сколько-нибудь однозначного приписания человека конкретному времени и месту, могут существовать и более понятные и рациональные локализации. Человеку в русской культуре, устающему от простора, порой хочется обрести себя в тесноте. Но следует только представить, какую силу и мощь он будет концентрировать в себе, будучи находясь в состоянии тесноты.

Что касается практик сопротивления в русской культуре, то они сосредотачиваются в узких, тесных пространствах – в переулке и в лестнице, в подъезде и проходном дворе. Выбор данных пространств не может быть случайным, потому как продиктован соображениями безопасности. Через подъезды можно уходить от преследования. Достаточно вспомнить, как в фильме «Брат» спасительную возможность проходных дворов и подъездов Санкт-Петербурга использует главный герой. Как отметит норвежский антрополог Ф.С. Нильсен, «неуправляемая сфера дворов доминирует во многих городах в России» [13, с. 55].

Теснота как физическая и психологическая характеристика является индикатором подчинённости человека, что и вызывает его анонимность и отсутствие стремления публично демонстрировать свои намерения. Молчание как раз и связывается с излишней бережливостью бытия – неизбежных спецификаций тоталитарной культуры. Само

существование человека в России, по словам З. Гиппиус, существование «связанное, с кляпом во рту» [8, с. 106].

Выбор в пользу молчания оказывается эффективной стратегией выживания, что, по мнению И. Берлина во многом объясняет саму культуру как «молчащую». [4]. Конечно, нельзя это понимать буквально. Просто творческий опыт большинства крупных деятелей культуры может быть соглашательским и лояльным власти.

Итак, культура может производиться в сжатых, стеснённых пространствах. Невыносимые условия вовсе не означают, что человек, сдавленный ими оказывается обречённым исключительно на физическое выживание. Он может мечтать, любить, жертвовать, конструировать идеальный мир. Он способен производить культурный текст.

«Заплеванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой», - именно здесь приходится встречаться с чиновником контрольной палаты Желтковым в «Гранатовом браслете» А. Куприна.

Хронотоп лестницы включает в себя самого субъекта сопротивления. Частые подъёмы/спуски по грязным лестницам прорисовывают его образ. Поднимаясь и спускаясь по лестнице, «маленький» человек постепенно вынашивает внутри себя бунт, постепенно растрясая его в себе. Исследователь текста «Преступления и наказания» Ф. Достоевского - С. Белов, подсчитал, что Раскольников пользуется лестницей 48 раз [3].

Лестница представляется порогом, на котором принимается решение. Перед субъектом открывается несколько перспектив выбора собственного движения. Как отмечает М. Бахтин, хронотоп «порога» «сочетается с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог)» [2, с. 397]. Порог ещё и черта, разделяющая два состояния температуры. Теплота дома противопоставляется холоду подъезда, равно, как и освещённость дома при открытии двери вступает в конфликт с темнотой за пределами жилья.

Преодоление тесноты означает попытку высвобождения из предопределённости, из невыносимого бытия. Бытие в тесном хронотопе кажется уже невозможным, и его пленник грезит о высвобождении из его пут. Человек будто распутывает связующие его верёвки. Интересно, что одно из толкований слова бунт как раз и связывается с повязанием человека, с лишением его свободы. В частности, в словаре В. Даля, вместе с политическими коннотациями, бунт ещё и «связка», «кипа», а ещё в одном значении бунт толкуется как «верёвка, обручи, проволока» [10, с. 141].

Таким образом, складывается парадоксальная картина зависимости, когда «бунт (средство для связывания) используется для обуздания самого бунта как протестного выступления. Бунт используют против бунта, с целью усмирения - подобное лечится подобным. Так и бунтовщиков – вяжут, стягивают, пытаюсь усмирить» [20, с. 141]. Свобода вдруг оборачивается несвободой, невыносимой печалью. Вот почему может возникать чувство жалости и тайной симпатии к Пугачёву, которого везли по Москве на Болотную площадь в деревянной клетке. В «Истории Пугачёва», кстати, складывается ощущение, что А. Пушкин иногда может испытывать сомнение по поводу категоричности восприятия бунтовщика.

Подчинённое положение всегда предполагает необходимость преодоления тесноты, превозмогание сжатого, стеснённого состояния.

Политический текст сопротивления вырабатывается в условиях дефицита пространства. Поэтому, в русской культуре мы часто встречаемся с субъектами сопротивления в наёмных комнатах и в маленьких квартирках.

Герои Достоевского – обитатели угловых, недорогих в стоимости аренды, комнат. В стеснённых условиях жил Раскольников, каморка которого напоминает шкаф, но только не квартиру. Отсутствие полноценной мебели, подчёркивающее невозможность принимать гостей, усиливает невыносимость бытия. Вспомним, как редкие гости студента обычно не вмещаются в его каморку в полном составе – кому-то приходится постоянно вести диалог, стоя в дверях. Теснота в текстах Ф. Достоевского очень

симптоматична для русской культуры. Это и «грязная прихожая ремонтируемой квартиры, в которой прятался Раскольников после убийства; ниша под лестницей, в которой притаился Рогожин, подстерегающий с ножом князя; сам рогожинский дом с наглухо задёрнутыми тяжёлыми шторами окнами; его спальня, на кровати которой лежит труп Настасьи Филипповны; каморка Ипполита; дача Лебедева» [12, с. 85].

Важным хронтопом производства протестного текста в русской культуре является и кухня, не отличающаяся внушительными размерами. Важнее личный, телесный контакт, ощущение ментальной близости.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

В песне «Перемен» В Цоя есть также строки:

И на кухне синим цветком
Горит газ...

Тесное пространство с трудом вмещает в себя гостей. Гостеприимство – характерная черта русской культуры, проецируется на повседневные практики.

В. Розанов выскажется в «Уединённом»: «У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым — то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился» [18]. В. Розанова поддерживает А. Ремизов, замечая, что «по русскому обычаю самые разговоры начинаются в прихожей» [17, с. 356 - 357].

Производство культуры в тесноте становится необходимой данностью русской культуры. Дело не в пространстве и его характеристиках, а в климате, обеспечиваемом внутри пространства. Показательны воспоминания

русской поэтессы И. Одоевцевой о собираемых ею в парижской квартире «междусобойчиках», когда в её «крошечной комнате за столом сидело по 18 человек, и никто не жаловался на тесноту» [14, с. 317].

Ещё не менее показательным выглядит комментарий по этому поводу русского поэта Г. Адамовича, признавшегося как-то: «А я и не знал, мадам, что вы умеете укладывать слона в спичечную коробку!» [14, с. 317]. Оказывается, действительно, размер пространства не имеет большого значения. Большим смыслом наделяется сам субъект. Перефразируя Г. Адамовича, следует отметить, что не у каждого может получиться «уложить слона в спичечную коробку».

Наблюдение Г. Адамовича кажется чем-то удивительным применительно к ситуации в современной России, в которой постепенно переформатируется хронотоп производства культуры. Он может оставаться по-прежнему тесным, но, вместе с тем, не предполагающим некоего коллективного участия в производстве смыслов. Традиции гостеприимства постепенно размываются, общество становится всё более и более индивидуализированным. Электронная культура симулирует присутствие в поле коммуникации. Швейцарские художники, создававшие инсталляцию «Пикник» в музее современного искусства «PERMM» в конце 2015 г. достаточно точно схватили эту проблему современной российской культуры. Главной проблемой Перми был назван холод и ситуация, при которой «люди сидят в своих квартирах, в многоквартирных домах, и у них нет приятных мест для встреч. Вот почему мы сделали пространство для пикника» [1, с. 37]. Конечно, восприятие русской культурной традиции иностранцами может несколько искажаться, ввиду изначального присутствия самих субъектов оценки в другом культурном поле, более насыщенном карнавальным и тесным взаимодействием, в более открытом обществе, в ситуации совершенно иных политических свобод и гражданских прав.

Хронотопы, в которых производится протестная культура, довольно аскетичны своим интерьером. Это, видимо, связывается со

специфическим отношением субъекта сопротивления к материальному миру, к ценности вещей. Воронежская знакомая О. Мандельштама по периоду его ссылки 1936 г. – Н. Штемпель вспоминает незатейливое убранство одной из съёмных квартир поэта, где ему пришлось некоторое время жить со своей женой: «Две комнаты, стол, какой-то нелепый чёрный шкаф и старая, обитая дермантином кушетка, которая стояла почему-то посреди комнаты. Так как стол был единственный, то на нём лежали книги и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда» [9, с. 58]. Достаточно показательно, что сегодня, дом, в период воронежской ссылки снимавшийся Мандельштамами под дачу в г. Задонске (80 км. От Воронежа, Липецкая область), продаётся уже несколько лет. Нынешние хозяева никак не могут заинтересовать им потенциальных покупателей. Хронотопы тесноты обладают и ещё какой-то трагичностью. На доме отсутствует даже мемориальная доска, что сразу же расставляет все приоритеты. Мандельштам – поэт, не обласканный властью, поэт, пострадавший от власти, что и позволяет нам рассматривать его в контексте культуры сопротивления.

В тесном пространстве, как правило, тепло. Теплота есть производное определённой суммы человеческих усилий. Человек, накапливающий бунтарскую страсть в холоде, должен оттаивать в тепле. Частые перепады температур словно намекают о парадоксальности русского бунта. Как однажды отметит М. Пришвин в «Дневниках»: «Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий. Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого» [15, с. 124].

Вроде бы, в подобной обстановке должны жить достаточно добрые, а, может быть даже и кроткие люди. Натопленная печь, сладкий дымок, самовар, теплота и теснота, казалось бы, должны намекать на удивительную благодать жизни, её уютную компактность, что следует проецировать и на

самых обитателей подобных жилищ. Но, русская культура производится парадоксальным человеком. Возможно, именно в подобной благодати и происходит обдумывание зловещих планов. Русский человек, преимущественно, сектант, что и «объясняет ту лёгкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения – записаться в коммунисты, - тотчас сбрасывает с себя всякую «религиозность» [8, с. 121].

Данная парадоксальность определялась И. Буниным, как «провалы». Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» вспоминала рассуждения И. Бунина об этой черте русской культуры. Русский человек «молится, а потом может так запалить в своего бога... как это свойственно всем дикарям, когда бог не исполняет их желаний. Но это не мешает ему потом опять поставить его перед собой, намазать ему губы салом, кланяться...» [11, с. 177].

Показательны откровения и самих субъектов протеста. На наш взгляд, очень точно подобное состояние раскрывается Б. Савинковым: «Народ-богоносец либо раболепствует, либо бунтует; либо кается, либо хлещет беременную бабу по животу; либо решает мировые вопросы, либо разводит кур в ворованных фортепьяно» [19, с. 27]. Долгие периоды унижения сменяются моментальным, электрическим экстазом, праздничным радением. Длительное ожидание праздника во многом омрачает само торжество какой-нибудь совершенно невообразимой и низкой выходкой.

Удивительная лёгкость, с которой человек в русской культуре отказывается от определённой картины мира в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых месяцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [13, с. 45]. С точки зрения норвежского антрополога Ф.С. Нильсена, это, отчасти, объясняет частые переходы от тёплого к холодному в отношениях между людьми [13, с. 45].

Теснота в русской культуре, манифестирующая ценности свободы и отказ от рабского, подчинённого положения, может выступать

характеристикой не только частного пространства, но и того пространства, где трудится индивид.

И если в западном дискурсе труда существующая зависимость от хозяина могла быть преодолима за счёт пространственных и экономических спецификаций самого места, в результате чего, как отмечает американский исследователь П. Колчин, работа могла связываться с находками или открытием чего-либо [22, с. 6], то в русской культуре, наоборот, пространство трудовой деятельности, несмотря на невероятные задачи, ставящиеся перед молчаливыми исполнителями господской воли, отличается теснотой. Показательно место в русской культуре тех субъектов, которые как раз и обладают высокой производительностью труда. В фольклорной традиции, в частности, В. Пропп обращает внимание на «волшебного помощника», периодически берущего на себя ответственность в преодолении трудноразрешимых задач [16]. В русской культуре есть сюжеты, когда подобный «волшебный помощник», будучи сдавленный теснотой бытия, тем не менее, раскрывает свой высокий производственный потенциал в тот момент, когда от него требует какое-либо преобразование («двое из ларца», «запертый конь» и т.д.).

Труд в русской культуре всегда методичен и самозабвенен. Можно представить, как могло быть невыносимо нахождение в производственном пространстве работникам блоковской «Фабрики»:

В соседнем доме окна жёлты
По вечерам - по вечерам
Скрипят задумчивые болты.

Невыносимая работа на собственное уничтожение на фабрике, описанное А. Блоком, упрямое вкапывание в землю в землю в «Котловане» А. Платонова также объединены пространственным дефицитом, в котором происходит производство культурного продукта.

Что касается советских проекций, то логика, здесь, приблизительно следующая. Нужно терпеть тесноту и лишения во имя лучшей доли. Вера в лучшую участь, в будущее, которое компенсирует текущие проблемы, – важнейшее качество человека труда, сопротивляющегося природе. И даже в этом контексте теснота приобретает специфические «тёплые» черты. Ради города-сада можно и потерпеть.

Вспомним, как у В. Маяковского:

Свела промозглость корчею -
неважный мокр уют,
сидят впотьмах рабочие,
подмокший хлеб жуют.

Повышенная работоспособность общества – признак тоталитарного режима и сконструированной им идеологии. Вырабатываемый обществом продукт всегда идёт на пользу режима. Об этом однажды убедительно выскажется Ж. Бодрийяр в «Символическом обмене и смерти»: «Трудящийся всегда остаётся человеком, которого не стали казнить, которому отказали в этой чести. И труд предстаёт прежде всего как знак унижения, когда человека считают достойным лишь одной жизни. Капитал эксплуатирует трудящихся до смерти? Парадоксальным образом, худшее, что он с ними делает, – это отказ в смерти. Отлагая их смерть, он превращает их в рабов и обрекает на бесконечное унижение – жить в труде» [6, с. 103]. По сути дела, теснота может конструироваться и самой властью посредством практики создания пространства, невыносимого для жизни, которое будет стремиться оставить субъект во имя коллективного соединения в труде.

Вспомним, как у В. Высоцкого:

И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Человеку в русской культуре может казаться, что таком неустанном, бесконечном ходе и движении есть смысл, что необходимо переработать как можно больше породы, чтобы оставить задел будущим поколениям. Все инфраструктурные проекты (каналы, железные дороги и т.д.), связанные укрощением природы, в русской культуре грандиозны по своему характеру. Необходимо учитывать и тот факт, что их исполнителями могли являться обычные люди, поверившие в миф о «котловане» или о «городе – саде».

Представленные нами зарисовки из русской культуры показывают, что культурный продукт производится субъектом в различных хронотопах. Русская культура традиционно понимается как культура, вырабатываемая в широком пространстве. Вовсе не отменяя справедливость данного тезиса, в данной статье мы отмечаем, что культура может производиться и в условиях определённой тесноты, в узких пространствах. Человек в русской культуре постепенно привыкает к производству культуры в хронотопах, отличающийся теснотой. При этом, он готов демонстрировать и достаточно не свойственную самой культуре рациональность, когда показывает своё гостеприимство в условиях удивительной тесноты. Слон, укладываемый в спичечную коробку, выступает достаточно красноречивой метафорой возможностей русской культуры. Довольно красноречив и пример лесковского Левши, подковавшего блоху. Оказывается, субъект в русской культуре может работать в условиях тесноты и при этом создавать качественный текст.

Бытие в хронотопах, отмечающихся теснотой, на наш взгляд, рано или поздно, актуализирует перед человеком проблему преодоления невыносимых условиях бытия. Было бы ошибочно представлять себе человека в русской культуре, как раз и навсегда смирившегося с тесным существованием. Борьба за расширение своих гражданских прав может пониматься именно в контексте борьбы за право производства культурного продукта в более широком пространстве.

Список литературы

1. Баталина Ю. Пермь по-прежнему далёкая земля. // Компаньон. - № 9 (95). – 2015. - С. 30 – 37.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Белов С. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий» - Л.: Просвещение, 1979. – 240 с.
4. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
5. Блок А.А. Собраний сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. - М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. - Т. 5. - Проза: 1903 – 1917 / Подгот. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. - 799 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2009. – 387 с.
7. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания / З. Гиппиус. – Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. – 398 с.
8. Гиппиус З. Петербургский дневник. – М.: Советский писатель, 1991. - 127 с.
9. Гордин В.Л. Мандельштамовский Воронеж. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 53 - 60.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – СПб.: ООО Диамант, 2002. – Т. 1. - 704 с.
11. Кузнецова Г. Грасский дневник / Г. Кузнецова; сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – 496 с.
12. Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного человека». // Вопросы философии. – 2011. - № 12. – С. 77 – 88.

13. Нильсен Ф.С. Глаз бури. / Пер. с норв. яз. А. Ливановой и Е. Прохоровой. – СПб.: Алетейя, 2004. – 348 с.
14. Одоевцева И. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 333.
15. Пришвин М. М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905-1954. – М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.
16. Пропп В. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2006. – 128 с.
17. Ремизов А. Кукха. Розановы письма. – СПб.: Наука, 2011. - 609 с.
18. Розанов В. Уединённое. // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html>
[Дата обращения 24.11.2014].
19. Ропшин В. (Б. Савинков). Конь вороной / В. Ропшин. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 200 с.
20. Скиперских А.В. Концепт «бунт»: герменевтическое путешествие. // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – Кн. 5. – С. 138 – 148.
21. Чехов А.С. Степь. Повести, рассказы. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное издательство, 1981. – 192 с.
22. Kolchin P. American Slavery. 1619 – 1877. – New York: Hill and Wang, 2003. – 328 p.